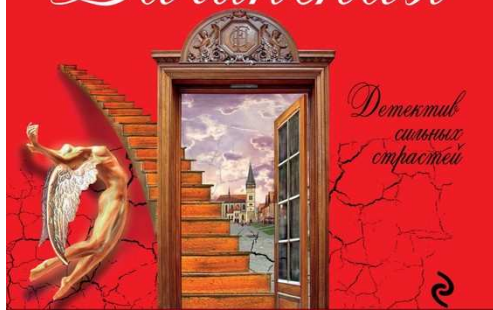

Инна
Баринская

Лучшие Уходят
Первыми

Инна Юрьевна Бачинская
Лучшие уходят первыми
Серия «Детективный триумвират», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4360765
Бачинская И. Ю. Лучшие уходят первыми: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59887-8*

Аннотация

Тринадцатого июня в полночь в Черном урочище собралось тринадцать человек. Жгли костер, сидели на траве. Потом они разъехались, а у догорающего огня осталась лежать мертвая женщина, завернутая в черную ткань. Ей нанесли тринадцать ударов ножом...

Саша наконец-то закончила перевод любовного романа английской писательницы и решила это отпраздновать. Телефон лучшей подруги не отвечал, но Саша не удивилась: у Людмилы был в разгаре роман с шефом, она даже собиралась за него замуж. Ее не смущало, что директор их телекомпании безнадежно женат на Регине, главе лучшего в городе дома моды, а та своего не отдаст...

Саша еще не подозревала: когда она слушала в трубке длинные гудки, Люська уже лежала у догорающего огня, завернутая в черную ткань...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Инна Бачинская

Лучшие уходят первыми

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Черная месса

*Ночь – хоть ясная – ненастна.
Россыпь ярких звезд – ужасна.
Помертвели ореолы,
Пали светлые престолы;
Не надеждою полны,
А кровавы и мрачны
Их лучи – чума и пламя,
Вечно властные над нами.*

Эдгар По. Духи мертвых

...Тихая и прохладная ночь молодого лета. Полнолуние. Тринадцатый день шестого месяца. Луна словно ослепительная ладья Иштар в черном небе. Ее отражение в темных водах лесного озера...

Тринадцать человек на поляне Черного урочища. В капюшонах, скрывающих лица, в черных балахонах до пят. Бесформенные, безликие, в ртутном лунном сиянии...

Великий магистр стоял поодаль, сложив руки на груди. На его голове тускло сверкал металлический обруч с массивными рогами тура, лицо скрывала черная маска. От тяжести головного убора, высокомерия и привычки повелевать голова его была запрокинута назад. Каждая складка его длинной черной одежды, пугающая неподвижность манекена, торчащие в стороны изогнутые бычьи рога наводили ужас, они кричали о том, что посланец из преисподней поднялся в наш мир...

Двое возились с костром. Остальные неподвижно стояли вокруг. Вязкая кладбищенская тишина скрадывала звуки – ни шороха, ни треска ветки, ни вздоха не раздавалось в страшном месте. Черное урочище оправдывало свою дурную славу...

Костер наконец занялся. Поленья, облитые бензином, вспыхнули, и оранжевое пламя взметнулось в небо. Великий магистр призывно взмахнул руками. Люди в черных балахонах медленно приблизились к костру, волоча за собой длинные шлейфы. Холодная ослепительная луна, оранжевое пламя костра, фейерверк искр в черном небе рождали томительное предчувствие беды, казалось, все зло мира спешит на шабаш в Черное урочище...

Внезапно в лесу раздался тоскливый волчий вой, а затем пронзительный крик, полный ужаса. Кричала женщина. Фигуры в балахонах шевельнулись, прислушиваясь. Крик больше не повторился...

Темнота вокруг костра сгустилась. Пламя плясало, с треском пожирая дерево. Ожидание становилось невыносимым...

Великий магистр поднял руку с зажатым в ней сверкающим предметом. Низкий звучный рык прокатился по лесу: «*Братья!*» Ему ответил протяжный вой невидимого животного. «*Он здесь!* – новый торжествующий рык. – *Он пришел! На колени перед владыкой!*»

Черные безглазые фигуры стали неловко опускаться на колени. Великий магистр страстно заговорил, воздев руки к луне: *«Поклонимся владыке! Поклонимся великому! Попросим защиты у него и дадим ему кров в наших сердцах! В наших мыслях! В наших делах!»*

Громовой голос Великого магистра волнами ударял в стену леса и рождал рокошующее эхо. Эхо мчалось по лесу, пугая и тревожа спящих птиц и животных.

Великий магистр кричал, вздымая руки. Черные фигуры, понурясь, слушали. Вдруг он замолчал и замер с поднятыми руками. Отблески огня вспыхивали на полированных турьих рогах. Вновь тишина камнем упала на поляну. Черные фигуры подошли ближе и взялись за руки, образовав замкнутый круг.

«Жертву!» – взревел Великий магистр, и верхушки деревьев качнулись. Двое вышли из круга. Остальные смотрели им вслед через узкие прорези в капюшонах...

Глава 1

Страшная находка

Дед Андрон был неординарной личностью. От природы ему достались руки, которыми мог починить все на свете – от электрического утюга до иномарки. Причем без всяких чертежей и инструкций, а исключительно благодаря природной смекалке. Он мог ходить в золоте, но ему было неинтересно работать как все люди, ему нравилось созидать. Электроутюги и всякую дребедень он чинил только для того, чтобы соседи отвязались и жена не ругалась, а мысли, весьма далекие от процесса починки, резво крутились в его лохматой голове. Он придумал и построил собственный паровой автомобиль, на котором ездил целую неделю, подробно объясняя желающим, как он устроен. Потом автомобиль ему надоел, и он отдал его соседским мальчишкам. После автомобиля он построил во дворе ветряк, который в ветреные дни производил электричество и подзаряжал аккумуляторы всем желающим. Механизм ветряка искрился, и в один прекрасный день случился пожар. Ветряк сгорел, но, к счастью, никто не пострадал.

Потом Андрон изобрел ловушку для шаровой молнии и однажды чуть было не поймал, да Бог миловал. Потом увлекся радиотехникой и цветомузыкой. Потом стал искать клады. Купил на ярмарке краденый военный миноискатель и совсем тронулся умом, по выражению жены. Облазил все овраги вокруг города, старое городище, пляжи, огороды и нашел авиабомбу. Авиабомба сидела глубоко в земле. Из-за темноты раскопки пришлось прекратить, а ночью бомба самопроизвольно взорвалась. По тревоге были подняты отряды МЧС, ОМОНа, милиция и стройбат, квартировавший в пригороде. Рядом с воронкой нашли еще одну бомбу, которая по счастливой случайности не сдетонировала.

Андрон после этой истории ходил смурной и писал объяснительные по поводу незаконного владения военной техникой в виде миноискателя, который сразу же конфисковали в присутствии понятых.

Андрону исполнилось восемьдесят два года, и все называли его дед Андрон. Он был сухой, жилистый, очень подвижный, дружил с мальчишками, которые собирались у него с самого утра на радость родителям, так как не шлялись по улицам без присмотра, не курили и не пили. Дед Андрон был аскетом, ел мало, не курил, не употреблял спиртного, спал всего четыре часа в сутки. Пятнадцать лет назад вообще стал вегетарианцем. Два года назад Андрон взялся за строительство летательных аппаратов. Сначала это были крылья, потом легкие конструкции вроде планеров. Последнюю модификацию такого планера Андрон и ребятня отправились испытывать в Черное урочище, где удобно расположилась скала, а под ней – поляна. По замыслу участников, летательный аппарат поднимался на верхушку скалы, дед-птица в летном шлеме и очках-стрекозах усаживался в кресло пилота, включал мотор, и самолетик снимался в свободный полет над поляной.

Испытательная команда состояла из трех человек: самого испытателя-конструктора деда Андрона и двух юных последователей, Стасика и Леньки, десяти и двенадцати лет от роду. Команда двинулась в путь в пять утра четырнадцатого июня, в субботу, на старом «Москвиче» деда Андрона, к которому была прицеплена тележка с летательным аппаратом в сложенном виде. Спустя час «Москвич» достиг испытательного полигона и был запаркован под трехсотлетним дубом – местной достопримечательностью. Поляна была большая, почти идеально круглая – вокруг стоял густой лес. С ее восточной стороны высилась гранитная скала, исписанная разными словами, именами и памятными датами, с западной лежало Черное озеро, по слухам бездонное. В свое время Андрон изобрел эхолот, который опускал в

озеро, надеясь найти там какое-нибудь дожившее до наших дней реликтовое животное, но так и не нашел.

Утро выдалось прохладное и очень тихое. Легкий туман стоял в лесных низинках и над озером. Трава была влажной от росы. Пробовали голоса ранние птицы. В такие утра испытываешь удивительную благодарность за то, что живешь на свете, и умиленную радость от белого, холодного еще солнца – предвестника прекрасного летнего дня. Посреди поляны, там, где обычно раскладывают костер гуляющие компании, высилась кучка золы и пепла. Пара не до конца сгоревших поленьев еще дымилась – тонкая струйка сизого дыма тянулась вверх.

– Дед Андрон! – закричал вдруг Стасик. – Там кто-то лежит!

– Где? – обернулся Андрон.

– За костром!

Черный длинный неподвижный предмет по ту сторону кострища действительно напоминал лежащего человека.

– Всем оставаться на местах! – строго приказал дед Андрон и пошел на разведку.

* * *

Спустя час поляна заполнилась людьми и голосами. Гудели моторы подъезжающих машин. Щелкали фотокамеры. Один из оперативников опустился на колени перед человеком, завернутым в черное покрывало, осторожно потянул за край ткани. В покрывале оказалась молодая женщина. Ее светло-карие глаза невидяще смотрели в небо, выражение строгой сосредоточенности застыло на лице. Длинные каштановые волосы разметались по грубой ткани. Оперативник присвистнул, увидев следы ножевых ранений на груди и животе. Судмедэксперт по фамилии Лисица уже доставал из своего чемоданчика инструменты.

Дед Андрон и ребята, сгорая от ужаса и любопытства, путались у всех под ногами до тех пор, пока молодой человек, представившийся сотрудником Заречного РОВД капитаном Алексеевым, не пригласил их в служебный джип на предмет дачи свидетельских показаний.

– Я ее первый заметил! – Стасика распирало от гордости и возбуждения.

– Давайте по порядку, – сказал капитан Алексеев. – С самого начала. По очереди. Как вы сюда попали, Андрон Николаевич?

И пошло-поехало. Зачем да почему, да в котором часу, да не заметили ли кого-нибудь поблизости, не находили ли, не трогали, не топтали, не подбирали.

Стасик уже в десятый раз повторил, как он посмотрел на костер и вдруг увидел... И как закричит! А дед Андрон оставил их сторожить, а сам поехал звонить в полицию – свой мобильник он забыл дома. Они подошли ближе посмотреть, а она как зашевелится!

– Ребята! Я рад, что на месте происшествия оказались такие сознательные люди, как вы, – сказал капитан Алексеев. – Для следствия важна любая мелочь, любая подобранная с земли бумажка, обрывок трамвайного билета, оторванная пуговица, сигарета. Даже обгоревшая спичка очень важна, так как может навести на след преступника. Понятно?

Свидетели кивали, что понятно, но, к сожалению, ничего из вышеупомянутых предметов на поляне ими найдено не было.

– Честное слово! – клялся Стасик. – Мы тут все облазили!

Последнее заявление противоречило предыдущему утверждению о том, что они сидели смирно и ждали, но Алексеев не стал уточнять, прекрасно зная, как ненадежны бывают свидетели и как путаются они порой в собственных показаниях.

В протоколе осмотра места происшествия было отмечено, что около полуночи на поляне находилась большая группа людей, примерно десять-двенадцать человек, приехав-

шая на двух автомобилях, которые были запаркованы под скалой. Люди жгли костер на поляне из привезенных с собой поленьев. Поленья были облиты бензином для скорейшего возгорания. Судя по следам на траве, люди в основном стояли. Или сидели. Что они там делали – непонятно. Около костра был обнаружен обнаженный труп женщины лет тридцати – тридцати пяти с тринадцатью ножевыми ранениями в области груди и живота, завернутый в лоскут шерстяной ткани черного цвета. На груди женщины лежал разорванный кожаный шнурок с серебряной подвеской в виде черепа. Смерть наступила около полуночи или несколько раньше в результате удара ножом в сердце. Остальные двенадцать ран носят поверхностный характер и причиной смерти не являются. Незадолго до смерти жертва приняла снотворное, находившееся, по всей видимости, в кофе. Личность убитой выясняется.

Глава 2

Переводчица (часть I)

Телефон трезвонил без передышки. Умолкал на минуту и взрывался снова. Я упорно притворялась, что меня нет дома, прекрасно зная, кто звонит. Людей, которым я нужна в восемь утра, можно пересчитать по пальцам. Да и в другое время дня и ночи тоже. Один из них – главный редактор издательства «Арт нуво» Савелий Зотов, которому я неделю назад твердо пообещала закончить перевод романа Кэтлин О’Брайен «Навеки вместе». Срок, предусмотренный контрактом, истек две недели назад. Савелий не стал поднимать шума – у нас прекрасные деловые отношения. Я вкалываю на них уже шесть лет. Работа клевая, хотя случаются, разумеется, и профессиональные трудности. То книжка совсем дурацкая даже для масскульта, то непереводимые технические детали в описании огнестрельного оружия бруклинских мафиози начала прошлого века или кабины космического корабля далекого будущего со всякими прибабасами и наворотами, которых пока нет в толстых технических словарях.

То ли дело любовные романы! Вот где можно гнать туфту, извините за выражение. Легкая необременительная работа, даже приятная, особенно вначале, когда сюжет видится еще в тумане. Вообще, все женские романы выстраиваются по одному сюжету, знакомому до боли. Одна из героинь Агаты Кристи, писательница, однажды призналась, что все ее романы – это по сути одна и та же книжка, но читатели об этом даже не подозревают.

Героини, как на подбор богатые красавицы, проводят время на международных лыжных курортах, одеваются у знаменитых кутюрье, каждую ночь тусуются на дипломатических приемах и подвергаются домогательствам разных негодяев. Или наоборот: бедные, скромные, трудолюбивые, добрые, но тоже подвергаются домогательствам негодяев.

Сюжеты «моих» книжек тоже не блещут разнообразием. Самый востребованный из них – история Золушки. На современном этапе – с криминальными добавками. Судьба красивой, но бедной девушки или (усложним задачу!) некрасивой, бедной, невезучей, но умной, которая вдруг!.. О чудо! Блестящая метаморфоза в результате неустойчивой работы над собой. И любовь, любовь, любовь! Море любви. Учитесь, бедные, некрасивые, невезучие! Это классика, это всегда идет на ура.

На втором месте – сто тысяч пятьсот тридцать седьмая версия бессмертного графа Монте-Кристо! Страшная месть. Его унизили, оскорбили, испоганили доброе имя, убили брата, он набрался сил, пришел и всем отомстил. И любовь, снова любовь и опять любовь!

Затем супермен. По убойной силе сюжет о супермене может тягаться лишь с сюжетом о Золушке. Обыкновенный человек, живет тихо, никого не трогает, днем работает бухгалтером на обувной фабрике, а ночью переодевается в красивый черный костюм, надевает маску, ходит по улицам и выручает попавших в беду девушек. Обладает всякими необычными свойствами вроде умения прыгать с крыши на крышу, бегать по стенам и заглядывать в окна. Плюс любовь.

Агент ноль-ноль семь. Рыцарь плаща и кинжала, агент Интерпола, международного отдела британской МИ-6, французской Сюрте, испанской... как ее? И так далее. Борющийся за справедливость во всем мире, против маньяков, шпионов и терроризма. Погони, стрельба, красивейшие порочные и незащищенные женщины в бриллиантах, автомобили экзотических марок, баснословно дорогие шестизвездочные отели и приемы в королевских дворцах. Роджер Мур, Шон Коннери, Тимоти Далтон, Пирс Броснан... Ох!

А как они дерутся! Это же с ума сойти, как они дерутся! У каждого полные карманы новомодных примочек для убийства, а они молотят и дубасят друг друга с убойной силой пещерного человека. Красивая драка – украшение любого романа, не говоря уже о кино.

Еще, пожалуй, несчастная любовь. Она любит, а он нет. Тоже классика.

Вот и все сюжеты, пожалуй. Ах да! Частный детектив. Бывший мужской жанр. Теперь – унисекс. Сильный, честный, дерется. Волк-одиночка. Несчастлив в любви или счастлив, но недолго. Читательницам не нужны счастливые герои, обремененные женой, детьми, не говоря уже о внуках. Давно замечено, что девяносто девять романов из ста заканчиваются маршем Мендельсона. Заканчиваются! Потому что дальше уже никому не интересно. Да и сказать, по сути, нечего. Дальше – рутина, все как у людей...

Английская писательница Кэтлин О'Брайен придумала героя по имени Майкл Винчестер, очередного агента Интерпола и отдела МИ-6 Министерства иностранных дел Великобритании, мужественного красавца, очередную модификацию Джеймса Бонда. «Навеки вместе», третий роман о Майкле, который я перевожу, повествует о схватке Майкла с международным террористом Уго Ривальесом, младшим братом печально известного Рамиреса Шакала.

Вы же понимаете, что драки, терроризм, снайперы на крышах – все это интересно лишь в качестве гарнира, а главное – любовь! Любовь как роза красная... Какой дамский роман без любви? Героиня романа – француженка Элен Моррисет, известная скрипачка, случайно пересекается с Майклом во время музыкального фестиваля в Берлине и помогает ему скрыться от головорезов Уго. Винчестер и Уго преследуют друг друга по очереди. Теперь негодяй Уго преследует их обоих. Они летят с парашютом в парном затяжном прыжке, пробираются по зловонным трубам очистных сооружений Будапешта и мчатся на автомобиле по трущобам нью-йоркского Гарлема. В конце концов Уго попадает в хитроумную ловушку, расставленную Майклом, и его хватают сотрудники Интерпола.

Финальная сцена: прощание Майкла и Элен, место действия – Формоза.

– Мой личный самолет доставит вас в Париж, – говорит Майкл глухо.

– А вы? – шепчет Элен, потупясь.

– Меня ждет новое задание, – отвечает он.

Вдали виден черный лимузин с погашенными фарами. Они вспыхивают и снова гаснут.

– Я не хочу... – Голос девушки прерывается. – Я люблю вас, Майкл!

– Моя дорогая, – отвечает он небрежно, – мы неплохо провели время, но я... не люблю вас!

Рыдающую француженку уводят. Майкл смотрит ей вслед. На глазах его слезы... Он думает о...

Тут бодяга насчет того, о чем он думает, а думает он о том, что он – волк-одиночка, орел в вечном полете, живет без тепла и любви, на грани фолы, без привязанности, так как любая привязанность – это слабость, а в его жизни слабостям нет места. И если однажды он не вернется с боевого задания, то никто не заплачет и не принесет цветы на его могилу...

Это вкратце. Кэтлин растянула сцену прощания на двадцать две страницы. Описание расставания героев в книжке английской писательницы могло бы исторгнуть слезы даже из камня.

Я помню, как рыдала над каждым романом в самом начале своей карьеры, как мчалась в библиотеку, переворачивала горы словарей в поисках одного-единственного подходящего по смыслу слова, как чуть ли не среди ночи звонила профессору английской литературы родной кафедры, вызывая недовольство и подозрения его жены. Словом, вела себя как идиотка. Все это в далеком прошлом. Я достигла таких высот перевода, что иногда дописываю диалоги героев романа, делая их более выразительными, или употребляю более сильные

слова и выражения. Причем совесть меня совершенно не мучает – я же не напрашиваюсь в соавторы! Конечно, можно влететь, но кто будет проверять?

Савелий, как мне кажется, о чем-то догадывается, во всяком случае, он часто повторяет, что у меня буйное воображение. «Арт нуво» выдает на гора до тридцати новых названий в месяц, разве за всем уследишь?

На последней сцене я застряла. Майкл, меняющий смокинги, лимузины, оружие и женщин, скачущий на арабском жеребце по крыше Вестминстерского аббатства, висящий на крыле самолета над небоскребами Гонконга, падающий через стеклянные крыши в бассейны с рыбками, слегка... как бы это сказать... утомил меня. Набил оскомину. Если честно, меня уже тошнило от него. И от этой безмозглой скрипачки. Неужели непонятно, что такие, как Майкл, не созданы для семейного счастья, а самое большее, на что они способны, – это смотреть ей вслед со слезами на глазах, да и то она об этом даже не догадывается! Какая семья, какие дети?

А может, я просто ревную?

Вокруг меня – нормальные мужики с маленькими глазками и хроническим насморком, кривоногие и лысые. А тут Майкл Винчестер в белом смокинге. Нету правды жизни в ваших романах!

А может, и не надо? Праздника хочется!

Я падаю в кресло перед компьютером, который вообще никогда не выключается – что-то там заклинило. Шевелю мышью. Открывается текст последней главы перевода нетленки Кэт О’Брайен, начатый неделю назад. Кстати, а почему «Навеки вместе»? Они же расстались, в конце концов. Я давно заметила, что название романа зачастую не имеет ничего общего с содержанием. Я бы назвала роман иначе. Как? Нужно подумать. Ну, например...

– Так, уважаемая девица Окулова (так называет меня креативный Савелий Зотов), – одергиваю я себя, – если ты сию минуту не закончишь перевод и сегодня же не отнесешь его Савелию, то останешься без работы. Сейчас только ленивый не переводит. И не пишет романы, кстати. Ну, поехали!

Сделав над собой усилие, я закончила перевод в тот же день. В девять вечера я переступила порог главного редактора. Савелий раньше полуночи с работы не уходит, а иногда там же и ночует. Ходят слухи, что в стенном шкафу хранится весь его небогатый гардероб, включая носки и пижаму.

Мы попили чаю с каменными пряниками. Савелий был озабочен, я – счастлива как человек, выполнивший свой долг и могущий позволить себе пару дней «дольче фар ниенте». Завтра прямо с утра забегу в бухгалтерию за деньгами – и в загул! Позвоню Люське, уговорю ее смотаться на реку, поваляться на пляже. Или можно еще прошвырнуться по лавкам, пообедать в хорошем ресторане и сбегать к косметичке.

«Эх, хорошо-то как!» – воскликнула когда-то героиня одного старого фильма. «Эх, хорошо-то как!» – думала я, гоняя чай с Савелием, грызя каменный пряник, пахнущий мышами, и ощущая приятную расслабленность во всем организме и благодарность к кому-то, кто за все в ответе. Прощай, Майкл Винчестер! Good bye, my love, good bye!¹ Ты неплохой парень, даже отличный, но по жизни так не бывает. Хоть ты тресни!

Домой я добралась около одиннадцати. В гастрономе по соседству накупила понемножку всяких копченостей, которые укорачивают жизнь, горячий хлеб и торт «Метро», где слои крема перемежаются с абрикосовым повидлом. Ощущение «эх, хорошо-то как» не только не прошло, но и усилилось. Я красиво разложила снедь в тарелки, отступила от стола и взволнованно замерла. Полюбовавшись, щелкнула кнопкой электрочайника и побежала

---

¹ Прощай, моя любовь! (англ.)

переодеться. По дороге решила пригласить на ужин Людмилу. Начало двенадцатого – детское время для творческого человека.

В телестудии ее не было. Недовольный женский голос сообщил, что Людмила Константиновна «давно ушли». Ушли?

Я набрала Люськин мобильник, и оператор сообщил мне, что абонент вне пределов досягаемости. Домашний телефон долго не отвечал, а потом предложил оставить сообщение на автоответчике.

– Люсенька! – закричала я, надеясь, что она все-таки дома и, услышав мой голос, снимет трубку, но ее никто так и не снял.

Разочарованная, я уселась за ужин в одиночестве.

Кажется, я сегодня не завтракала. Голод у меня обычно прорезается ближе к ночи. А самый жор – в полночь. Я достала коньяк – подарок Савелия – и рюмку. Коньяк шарахнул по мозгам, жидкий огонь рванул внутрь, я закашлялась и расхохоталась.

– Что человеку нужно? – философствовала я с набитым ртом. – Хлеба и зрелищ. Интернет, книги и TV. Еще Люська, работа, Савелий...

И Майкл Винчестер! Я привыкла к нему, как наркоман к зелью. Он дает мне то, чего у меня никогда не было: блеск, остроту жизни, приключения и любовь! Майкл Винчестер как лекарство от одиночества. Эх, Майкл!

В итоге я наелась, как удав. От коньяка окружающая реальность потеряла настройку, картинка перевернулась, и в голову полезли всякие мысли... вроде того, что жизнь моя – сплошной негатив, сплошные «нет»... Мужчины нет, семьи нет, детей нет, денег тоже нет. Однажды Савелий попытался остаться на ночь, что вызвало у меня сначала изумление, а потом приступ дурацкого хохота.

– Дуреха, – беззлобно сказал он тогда, – неужели одной лучше?

Не знаю. Если посмотреть с точки зрения... этой... вечности и... и философии... да, философии... то, может, и лучше, и «свобода» все-таки... сладкое слово, а с другой стороны... как посмотреть! Мысль вилась затейливо, ускользала и не давалась.

Спать, спать, спать! А завтра прямо с утра – на диету!

Упав в кровать, я зевнула и щелкнула пультом, чтобы взглянуть... одним глазком... одним... одним...

Бодрый женский голос радостно прокричал рекламный слоган, и я отключилась.

И приснился мне Майкл Винчестер... Мы, держась за руки, бежали от кого-то или за кем-то по длинному мрачному коридору. Пули свистели у виска и чиркали в стены, а мы все бежали, охваченные радостным ужасом, бежали так, как бегут только во сне – оставаясь на месте.

На мне было потрясающее платье – красное, с открытой спиной, и скромное бриллиантовое колье...

Глава 3

Переводчица (часть II)

Кажется, я забыла представиться. Меня зовут Александра Окулова. Девушка Окулова, как называет Савелий Зотов. Впрочем, я, кажется, об этом уже упоминала. «Девушка Окулова»... Даже красиво. В отличие от Акулы со времен детского садика. Уж лучше я бы и на самом деле была Акуловой, не так обидно. Прозвище Акула наводит на мысль о прозорливости, жадности и глупости. *Номен ист омен*, как говорили древние. Имя – судьба. Как можно полюбить женщину с такой кличкой? Или воспринять серьезно? И так всю жизнь.

Нет, не из-за клички, конечно. В жизни все должно происходить вовремя. Надежда и любовь – в молодости, опыт и уверенность в себе – в зрелом возрасте, достоинство увядания – в послезрелом. «Научи меня, лес, увядать без печали», – сказала одна болгарская поэтесса балзаковского возраста. До увядания еще далеко – мне тридцать три. Всего или уже. Зависит от настроения. В припадке оптимизма я думаю: «Только тридцать три! Все впереди!» В депрессии: «Уже тридцать три! И ничего нет впереди, кроме Майкла Винчестера. Проходит жизнь, проходит жизнь...»

Десять лет назад я закончила иняз нашего пединститута, ныне университета. Английский и немецкий. Три года в школе, потом меня сократили как самую молодую и бессемейную, и я перешла на вольные хлеба. Делала переводы для бюро патентов, контрольные для нерадивых заочников, репетиторствовала, а летом подрабатывала гидом-переводчиком. В один прекрасный день моя подруга Людмила Герасимова, восходящее светило местной тележурналистики, сунула мне роман американки Энн Тайлер «Турист поневоле» и заявила, что поручилась за меня перед главным редактором «Арт нуво» Савелием Зотовым. Пригрозила, что это мой последний шанс и если я, как последняя дура и лентяйка, буду валять дурака, то... «Имей в виду, – сказала Людмила, – прощелкаешь – убью!»

Роман мне понравился, и я засела за перевод. Оказалось, что пяти лет в вузе, увы, недостаточно для понимания нюансов художественного текста. А для перевода желательно владеть также и родным языком, причем литературным. Если кому-то кажется, что это легко, пусть попробует. Мучаясь креативным поиском и переписывая по десять раз один и тот же эпизод, я оценила возможности компьютера, который безропотно терпел все. А также впервые почувствовала восхищение перед гигантами перевода, о которых никто и не вспоминает, если перевод хороший. А если плохой, то спрашивают, какой сапожник это переводил, и листают книжку в поисках фамилии.

С тех пор много воды утекло. Мне, конечно, далеко до гигантов перевода, но слова вылетают из-под пера довольно бойко. Главное – ухватить суть и не цепляться за отдельные слова. Дать фантазии расправить крылья и воспарить.

Главная прелесть моей деятельности – свобода! Не нужно вставать ни свет ни заря, мчаться сломя голову в дождь и снег в городском транспорте на службу, и начальника над тобой нет. Один Савелий Зотов, лапочка.

Я – одинокая девушка. Прав Савелий. В свои тридцать три. Почему? Черт его знает, почему. Сначала казалось, все впереди. А потом... даже не знаю. А время бежало, часики тикали. В итоге – поезд ушел, а я осталась. Не успела вовремя, не повезло, сама не знала, чего хочу, ждала Майкла Винчестера. Да мало ли?

На инязе учились почти одни девочки, за что его называли женским монастырем, а тех двух мальчиков, что имелись в моей группе, можно было не считать. Одного звали Тимур Абашидзе, другого – Юра Шлычкин. Тимур запомнился мне добродушнейшим на свете существом, томным красавчиком и записным сплетником. Его мамой была приятная русская

дама, а папой – грузин, бравый военный, полковник, кажется. Тимур любил наряды, как девочка, и всякие блестящие побрякушки – сверкающие шариковые ручки, брелоки, перочинные ножички, стеклянные шарики, которые он все время подбрасывал на ладони. У нас с ним случился роман на третьем курсе. Я помню, как мы целовались у каждого столба по дороге домой. Тимур был прекрасен, как сказочный принц: выразительные темные глаза, прекрасной формы рот, крупный, с горбинкой, нос, великолепный рост. Любимое дитя природы. По закону компенсации и равновесия начал в природе умом он не блистал, до интеллектуалов с физмата ему было далеко, но кому бы пришло в голову ожидать от него полета мысли при такой внешности? Роман наш после трех недель отцвел и сошел на нет. Сейчас Тимур видный политический деятель. Такой же красавчик. Лидер какой-то партии, в которой, я уверена, женщин больше, чем мужчин.

Юра Шлычкин, в отличие от Тимура, был беспородным, бесцветно-белобрысым парнем, молчаливым и незаметным. Учился он, правда, хорошо. Имелись еще мальчики с физвоспитания и физмата, а также курсанты высшего летного училища. Только самая неповоротливая студентка не вышла замуж за свежее испеченного лейтенантика. Я тоже встречалась с курсантом – маме он очень нравился, но на учениях мой мальчик ударился головой о какую-то металлическую балку, получил сотрясение мозга, и его отчислили. Потом он признался мне, что никакого сотрясения мозга у него не было, просто он испугался. В учебном полете разбился старшекурсник, и вся романтика на этом для него закончилась. Сейчас я могу его понять, но тогда мне было безумно стыдно. Я мямлила что-то вроде того: да, понимаю, мол, и прятала глаза. Дура, конечно...

Почти три года я встречалась с женатым преподавателем математики из школы, где работала после института. Математик был умен, начитан и демократичен. На работу он ходил в джинсах и свитерах до колен и выглядел как студент. Манеры у него тоже были студенческие. Ученики обожали его за чувство юмора и нестандартное поведение. А он ходил с ними в походы и пел песни у костра. Мы встречались на даче его тетки. По вторникам и пятницам, с двенадцати до трех. Я все ждала, что он разведется и женится на мне, но ему было хорошо и так. Потом ему пришлось уйти из школы за роман с ученицей. Был скандал, в итоге он расстался с женой и женился на этой девочке. Я рассказывала ему о своей новой работе, о трудностях перевода, втайне надеясь, что он скажет что-нибудь вроде: молодчина, так держать, я тобой горжусь, а он в это время за моей спиной встречался со школьницей.

Около полугода я зализывала раны, утешала оскорбленное самолюбие и сочиняла сцены нашей возможной встречи в будущем. Я представляла, как скажу ему: «Подонок! Какой же ты все-таки подонок!» Или: «Как ты мог?» Или окину уничтожающим взглядом и молча пройду мимо. Или проеду на машине. На иномарке. Люська сказала: забудь, все мужики скоты! Не все! Майкл Винчестер, например, не скот. Но Майкл – штучная работа. Не с нашим счастьем.

Потом случилась еще пара скоротечных романов, которые даже в пору расцвета оставляли чувство недужности и увечности.

Около полугода назад я наткнулась в кафешке на Парковой, куда забегала выпить кофе, на Юрку Шлычкина. Кто-то окликнул меня, я оглянулась. Незнакомый мужчина смотрел на меня, улыбаясь. У Юрки всегда была какая-то стертая физиономия, из тех, которые не запоминаются.

– Юра, ты? – спросила я неуверенно.

Он дернул плечом и сделал жест рукой, который я расценила как приглашение. Мы сидели и молча смотрели друг на друга. Юрка не стал разговорчивее, но выглядел совсем неплохо. Бледные глаза альбиноса прибрели жесткий стальной блеск, красноватую кожу покрывал загар любителя тенниса, светлые волосы были коротко острижены. Худощав, подтянут, хорошо одет.

– Санечка, ты совсем не изменилась, – произнес наконец Шлычкин.

Меня сто лет не называли Санечкой, и что-то внутри отозвалось на полузабытое имя.

– Ты тоже, – ответила я, хотя это было неправдой. Но таков ритуал. Шлычкин переменился, причем к лучшему. В нем чувствовалась уверенность взрослого мужчины в отличие от вечных мальчиков, которые все время попадают мне под ноги. Он больше ничего не сказал, только смотрел.

Есть женщины, которых нужно развлекать словами. Я отношусь к тем, с которыми можно молчать. Воображение в свободном полете довершало прекрасную картину. Юрка немногословен. Если говорит «да», то это действительно «да». Если «нет», то «нет», и так далее. Был какой-то старый анекдот на эту тему. Надежен. Спокоен. Не суетится. Не заигрывает. Не бросается бурно вспоминать былое. Не тормозит, не хватается за пуговицы, не орет: «А где Ленка Ерохина? А Тимур? А Нонка Сидоренко?» Не навязывает свой стиль поведения. Надо сказать, что я легко поддаюсь под влияние. И если мой собеседник громко орет и размахивает руками, то я невольно начинаю делать то же самое.

Шлычкин молчал, но это было не спертое молчание, когда не знаешь, что сказать и мечешься в поисках темы, чтобы забить паузу. Это молчание единомышленников, которым некуда спешить.

– Ты работаешь? – спросил он.

– Работаю. В издательстве «Арт нуво», переводчицей.

– Молодец, – похвалил Юрка.

– А ты? – спросила я в свою очередь. – На учителя ты не похож.

Юрка улыбнулся:

– Я банкир.

– Банкир? – изумилась я.

Банкир в моем представлении был толстым дядькой с круглой физиономией, быстрым волчьим взглядом и большим животом. Непременно лысый. А Юрка походил скорее на тренера по плаванию или спортивным играм.

– Опять не похож? – улыбнулся он.

– Совсем не похож!

– Как должен выглядеть банкир, по-твоему?

– Жирный, с пухлыми щеками, сопит.

Мы переговаривались, как телеграфисты. Юрка все-таки навязал мне свой стиль общения.

Он не позволил мне заплатить за кофе. И пошел провожать. На улице было шумно, и мы молчали всю дорогу. У дома Юрка покраснел и пробормотал:

– Саша, ты мне всегда нравилась.

Вот это да! Никогда бы не подумала. В том, как он это сказал, не чувствовалось скороспелой мужской выдумки на всякий случай. Он посмотрел мне в глаза, и я подумала, что у него мужественная внешность, он похож на Майкла Винчестера. Слегка.

– Хочешь, я позвоню? – спросил Юрка, продолжая смотреть мне в глаза. Хороший, честный, прямой вопрос.

– Хочу, – ответила я так же честно и прямо.

Он позвонил на другой день. Я пригласила его к себе. Он пришел и принес торбу всяких деликатесов из «Магнолии», включая мой любимый ликер «Бейлис».

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

Юрка слегка развел руками, что, видимо, означало: «Все вы одинаковы».

Он оказался умелым и ласковым любовником, и я не переставала удивляться прекрасным метаморфозам. Я попыталась вспомнить, каким же он был в институте, но у меня не получилось. Я просто не помнила, каким он был. Никаким. И нате вам!